

На правах рукописи

Турнаев Валерий Иванович

**Национальная и демократическая тенденции
в развитии Петербургской академии наук
(20-е—40-е годы XVIII века)**

Специальность 07.00.02 — отечественная история

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Томск 2006

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный консультант: Заслуженный деятель науки РФ,
действительный член Российской
Академии социальных наук,
доктор исторических наук, профессор,
рис Георгиевич

Могильницкий Бо-

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Дёмин Михаил Александрович;

доктор исторических наук, профессор
Жеравина Аниса Нурлгаяновна;

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института
истории СО РАН
Элерт Александр Христианович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится 20 октября 2006 г. в 14 часов в заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36, ауд. 41)

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Автореферат разослан 1 сентября

2006 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
д. и. н., профессор

О. А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является изучение *социальной* истории Петербургской академии наук первых десятилетий её существования, а именно: с момента основания до конца 1740-х годов. Масштабная модернизация русского общества, предпринятая Петром I и его «командой», в качестве одной из мер предполагала основание в России научного учреждения, которое помогало бы реформировать страну и вести её по пути прогресса. Задачи, поставленные перед научным учреждением, сводились к двум пунктам: 1) проводить научные изыскания и 2) готовить русских учёных¹. Однако в действительности роль Академии как института российского общества вышла за пределы, очерченные Проектом. Сфера её участия в делах русского общества значительно расширилась, а влияние стало важным и острым.

Дело в том, что призванная готовить отечественных учёных Петербургская академия почти целиком состояла из иностранцев, которые пребывание в стране рассматривали как шанс решить свои личные жизненные проблемы. Немцы, например (из которых главным образом состояла тогда научная часть Академии), стремились в Россию потому, что не могли найти устраивавшую их работу у себя на родине. Петербургскую академию, такую работу им предоставлявшую, они стали оберегать от конкурентов, каковыми являлись прежде всего русские. Русские, которые поначалу не занимали в Академии главных постов, но которые со временем стали претендовать на них, стали наталкиваться на организованное противодействие. *Задачей исследования является освещение национальной тенденции в развитии Петербургской академии наук 20-х—40-х годов XVIII века — истории взаимоотношений русских с иностранцами.*

Другой задачей исследования является изучение демократической тенденции — того, как, каким образом представители науки Запада утверждали в российской науке западные культурные ценности. Обосновавшиеся в русской науке иностранцы были не только лицами, преследовавшими свои корыстные цели, но и представителями передового Запада, для которых западные ценности жизни имели первостепенное значение. В частности, в России учёные стали протестовать против того, что их лишили права самим руководить Академией и определять стратегию её развития, как это было принято на Западе. Они стали сопротивляться бюрократическому произволу и требовать для себя (и российской академии) самоуправления. Борьба продолжалась двадцать лет и оставила неизгладимый след в истории русского общества.

Научная значимость и актуальность темы исследования. Научная значимость и актуальность избранной темы вытекают как из теоретических, так и из практических оснований. *Теоретическое значение* исследования вытекает, во-первых, из того, что, как всякий научный труд по отечественной истории, оно является частью *общей истории России, в частности истории России XVIII века.* Академия наук, история которой находится в поле зрения автора, возникла как инструмент модернизации страны. Учёные, которых призвали в Россию из-за границы и которые затем стали рекрутироваться из автохтонного населения, не только «открывали науки» и участвовали в подготовке практических решений, касающихся различных областей жизни российского общества, но и шли дальше. Члены Петербургской академии наук, например, внесли заметный вклад в модернизацию общественного сознания в России, положив начало гражданским общественным традициям. Они предложили российскому обществу модель научного учреждения, в котором передовые достижения эпохи органично увязывались с практическими потребностями страны, открывая перед ней новые перспективы. Они, наконец, сделали Академию практическим центром генерирования общественных идей и

---

¹ См. Проект об учреждении Академии: Материалы для истории Императорской Академии Наук (далее — Материалы). СПб., 1885. Т. 1. С. 14-22.

настроений, вокруг которого концентрировалась вся наиболее передовая и прогрессивная общественная жизнь России того времени.

Во-вторых, исследование представляет собой *сюжет истории корпоративных движений*. В России, в Петербургской академии наук, рано завершился процесс консолидации учёных на профессиональной основе. Случилось это потому, что представители науки, собравшиеся в Петербурге, оказались вырванными из привычных условий жизни, главным из которых было самоуправление научных корпораций. Учёные стали добиваться того, к чему привыкли и что им было обещано, когда они ещё только готовились отправиться в незнакомую страну. Как исторически формировалось движение, в какие конкретные формы вылилось, какой путь прошло, что после себя оставило? — ответ на эти вопросы можно найти в настоящем исследовании.

В-третьих, в работе исследуются *вопросы истории бюрократии и бюрократических институтов*. Силой, противостоявшей учёным, была бюрократия. В Петербургской академии она сформировалась едва ли не раньше, чем был составлен Проект об её основании. В последующие годы бюрократия усилила свои позиции и наконец полностью овладела научным учреждением. Учёные, всегда причислявшие себя к «людям вольным», оказались во власти чиновников. Как бюрократия подчинила себе науку в России, к каким последствиям это привело, как отразилось на её международном статусе? — другой круг вопросов, ответ на которые даётся в исследовании.

В-четвёртых, история событий, о которых повествуется в диссертации, — это не в последнюю очередь *история формирования национального самосознания в России*. Открыв иностранцам путь в свою страну, русские столкнулись с острейшими национальными проблемами. Выходцы с Запада, которым не было дела до того, что принято было уважать и ценить в России, в массе своей свысока смотрели на чужую страну и её народ и нередко не считались с её интересами. Русские решительно выступили против этого оскорблявшего их национальные чувства и достоинство поведения. Как исторически протекал этот процесс, как русские в Академии отстаивали свои национальные права и интересы, в какие идеологические формы облекались их действия и как воспринимались наверху — в высших эшелонах российской власти? — об этом также рассказывается в исследовании.

В-пятых, касающееся времени, которое принято называть *эпохой Просвещения*, исследование, конечно же, является *фрагментом его истории*. Немецкий исследователь Э. Винтер, известный в науке как автор новаторской идеи раннего Просвещения, полагал, что исторически оно выражалось в трёх формах: 1) борьбе за веротерпимость, 2) борьбе за распространение образования и 3) борьбе за развитие наук². Факты, которые приводятся в настоящем исследовании, позволяют утверждать, что в России, например, таких форм было больше. В частности, к названным трём следует добавить, как представляется, ещё одну — борьбу за гражданские права. Учёные Петербургской академии наук, о борьбе за гражданские права которых рассказывается в исследовании, заявили о себе как гражданском институте фактически с начала своего пребывания в России. А это, если принять точку зрения Э. Винтера, — время раннего Просвещения.

Наконец, исследование можно рассматривать как *часть истории науки и научных связей*. Петербургская академия наук — научное учреждение России и одновременно один из научных центров Европы. Её история, следовательно, — это история науки русской и история науки европейской. В работе представлены её *социальные аспекты*. Автора интересовали вопросы, как жили учёные того времени, какое положение в обществе занимали, как решали свои профессиональные проблемы, как строили свои отношения с общест-

---

² См.: Winter E. Frühaufklärung. Der Kampf gegen den Konfessionalismus in Mittel-und Osteuropa und die deutsch-slawische Begegnung. Brl., 1966.

вом и властью, как формировали своё истинное отечество — не знавшую национальных границ европейскую республику учёных.

Исследование имеет непосредственное **практическое значение**. В числе вопросов, ответы на которые сегодня в цене, вопрос о взаимоотношениях науки и власти, учёных и правящей элиты. Исследование посвящено этой актуальной и значимой научной проблеме. В частности, в нём рассматриваются отношения между властью и учёными в России, отношения России с наукой Запада, социальные аспекты строительства русской науки и её влияние на жизнь общества. От того, насколько ясными будут наши представления в области прошлого, во многом зависит успешное решение задач настоящего.

Другая причина, побуждающая обращаться к теме, — неординарный период в истории России вообще и истории русской науки в частности. Социальная история Петербургской академии наук изобилует незабываемыми событиями, яркими сценами, бескомпромиссными столкновениями характеров, личностей, судеб. В частности, участники драмы, о которой рассказывается в исследовании, были личностями незаурядными, сильными, страстными — настоящими героями своего времени. Проследить их судьбы в столь непростое время, каким явилась для русской истории вторая четверть XVIII века, не просто, следовательно, интересно, но и в высшей степени поучительно. *Historia magistra vitae est*. Нельзя забывать об этой функции нашей науки.

Хронологические рамки исследования. Хронологически исследование ограничивается второй четвертью XVIII века. Это — история корпоративного движения учёных. Ориентация на данный феномен при установлении хронологических рамок исследования представляется оправданной, поскольку все остальные события, охватываемые понятием «социальная история Петербургской академии наук 20-х—40-х годов XVIII века», находятся в его границах. Данное утверждение справедливо также по отношению к другому крупному событию, имеющему самостоятельное значение, — национальному движению.

Тематические границы исследования. Однако важна не только внешняя (хронологическая) сторона событий, но и их предпосылки, причины, природа и уроки. Очевидно, что получить ответ на эти вопросы возможно только тогда, когда проблема рассматривается как целое. Каковы рамки этого «целого»? Какие, например, страны Европы представляли участники событий? Историей каких связей являются описываемые события?

Прежде всего, — русско-немецких. Немцы, немецкие учёные, были главными представителями европейской науки в России в XVIII веке. Но и не только они. Не только немцы «представляли» Европу. Членами Петербургской академии наук были также швейцарцы (которые внесли свой вклад в утверждение демократических традиций в российской науке) и, что следует особо подчеркнуть, французы. В числе последних находился Ж.-Н. Делиль — лидер движения. Само собой разумеется, обойти вниманием эти факты не представлялось возможным. Поэтому история русско-немецких научных связей, какой она задумывалась вначале, переросла по ходу дела в историю русско-франко-немецких, отчасти даже — швейцарских, отношений в сфере науки. Это, с одной стороны.

С другой стороны, движение иностранных учёных, боровшихся за демократические принципы организации науки, разворачивалось в Академии, которая принадлежала другому народу. Отсюда тесное переплетение демократической тенденции с национальной. Почему лица, противостоявшие друг другу как антагонисты в 1742—1743 годах, объединились в 1745—1747? Почему они не находили основы для взаимопонимания прежде? Почему немцы (составлявшие большинство научного состава Петербургской академии наук) не давали хода русским в бироновское время и вступались за них тогда, когда держать немецкую «линию оборо-

ны» было особенно необходимо? Какими в действительности были русско-немецкие научные связи, о которых написано так много? — эти вопросы также являются частью темы, заявленной как целое.

Вопросы о тематических границах исследования возникают не только при рассмотрении отношений русских с иностранцами, не только в связи с конкретной историей русско-немецких научных связей. Другой неотъемлемой стороной проблемы является вопрос о специфике модернизационных процессов в России, столь ярко проявившихся в истории Петербургской академии наук. Как они протекали? В какие конкретные исторические формы вылились и как повлияли на развитие русской науки и её международный статус? Необходимо ответить на эти вопросы. Однако дать ответ могут опять же только исследования, рассматривающие проблему (как в данном случае) на широком историческом фоне и в значительных хронологических пределах.

Степень изученности темы. Литературу, в которой получила отражение тема исследования, можно разделить на три категории. К первой следует отнести работы, в которых тема заявлена *как цель (или одна из целей) исследования*. Вторую составляют работы, в которых тема получила отражение *как более или менее самостоятельная проблема*. К третьей принадлежат работы, в которых тема затрагивается *попутно или некоторым образом упоминается*. Единственным *специальным* исследованием по теме, избранной в качестве диссертационного исследования, является «Краткая история о поведении Академической Канцелярии» М. В. Ломоносова, написанная в 1764 году³.

Как и автора этих строк, русского учёного интересовал, прежде всего, *социальный аспект* истории Петербургской академии наук, членом и одним из руководителей которой он являлся. М. В. Ломоносов, который, по собственному признанию, к тому «себя посвятил, чтобы до гроба ... с неприятельми наук российских бороться», и который отчётливо сознавал всю пагубность того, что происходило в Академии, взялся описать зло, поразившее российскую науку. Этим злом, по мнению учёного, являлась «шумахерщина» — особая форма бюрократического контроля над наукой, названная им по имени директора академической Канцелярии И.-Д. Шумахера.

М. В. Ломоносов не только поднял проблему, которой до него никто не касался, но и попытался решить её. Решение, конечно же, предлагалось в духе рационалистической философии XVIII века. «Краткую историю о поведении Академической Канцелярии» Ломоносов написал с целью побудить императрицу Екатерину II освободить Академию от власти человека, поставившего «за закон себе ... Махиавелево учение» — «всё ... употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему или и целому обществу»⁴. Этим человеком был И.-К. Тауберт — советник академической Канцелярии, бесконтрольно распоряжавшийся судьбой научного учреждения. Тауберт был преемником (и родственником) другого советника академической Канцелярии — И.-Д. Шумахера, создавшего режим, который разрушал Академию и который продолжал защищать и поддерживать Тауберт. Историю о том, как эти двое, верные наследники учения Никколо Макиавелли, (сначала Шумахер, затем — Шумахер и Тауберт и, наконец, — Тауберт) утверждали пагубные порядки в Академии и к каким последствиям это привело, и рассказал Ломоносов.

Русский учёный, следовательно, выступает перед нами не только как историк — исследователь определённого периода академической истории, но и — что не менее важно — *как очевидец и даже действующее лицо описываемых событий*. Отсюда соответствующий взгляд на происходящее; отсюда соответствующий пафос автора; отсюда, наконец, соответствующий жанр исследования. Сочинение,

---

³ Ломоносов М. В. Краткая история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении учёных людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 267-316.

представленное Ломоносовым, — это *развёрнутая служебная записка, в которой документальная точность соседствует с личными воспоминаниями.*

«Краткая история о поведении академической Канцелярии» является, таким образом, не только фактом истории исторической науки, но и уникальным историческим памятником, повествующим о неизвестных сторонах социальной истории Петербургской академии наук. Она является *первой и единственной до сих пор социальной историей Петербургской академии первых сорока лет её существования.* Конечно, «История» не полна; конечно, в ней нет ответов на многие вопросы, которые сегодня хотелось бы иметь; конечно, она является продуктом обстоятельств места и времени. Однако — и в этом её непреходящая ценность — *направление поиска, отбор исторического материала и идейная направленность сочинения не устарели.*

Кроме сочинения М. В. Ломоносова, других специальных исследований по теме нет. Нет ни в российской (включая советскую) историографии, ни в зарубежной. Зато большим количеством представлены исследования, в которых эта тема получила отражение как более или менее самостоятельная проблема, а также затрагивается попутно или некоторым образом упоминается.

Первой из числа работ, отнесённых ко второй категории, должна быть названа «История Академии наук» Г.-Ф. Миллера, написанная к 50-летию юбилею Петербургской академии⁵. Миллер рассказал о событиях до 1733 года. События после 1733 года описаны И.-Г. Штриттером, продолжившим изложение до 1743 года. Работа, таким образом, не была завершена и в таком виде была опубликована в собрании «Материалов для истории Императорской Академии Наук» в качестве одного из томов.

Миллер рассказал о кризисе 1728 года, об отношениях Академии с правящей элитой, описал формирование академической системы управления — функции и полномочия президентов, академической Канцелярии и профессорского Собрания, оставил характеристики некоторых будущих видных участников описываемых событий, осветил некоторые другие относящиеся к теме сюжеты. Он, правда, не пытается оценивать исторические факты. Однако даже в таком виде труд представляет бесспорную ценность для исследователя социальной истории Петербургской академии наук.

И.-Г. Штриттер, на которого была возложена обязанность продолжить труд, в отличие от Миллера, не был свидетелем происходившего и целиком полагался на документы. То, что не утратило значения в сочинении Миллера, а именно: личные воспоминания, в труде Штриттера, следовательно, искать не приходится. Отсюда соответствующая оценка его сочинения, которую, по общему мнению специалистов, нельзя признать высокой. Подобно Миллеру, Штриттер избегал оценок и также находился под гипнозом исторических фактов.

О социальной истории Петербургской академии наук писал И. Бакмейстер. В известном «Опыте о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии Наук» исследователь упомянул о нашедших событиях первых десятилетий существования Петербургской академии — выступлениях учёных против И.-Д. Шумахера и движении А. К. Нартова⁶. Однако из множества наблюдений, которыми он, несомненно, мог поделиться, Бакмейстер воспользовался только одним — соперник учёных и А. К. Нартова был человеком хитрым, изворотливым, умевшим достигать своих целей.

---

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Материалы. СПб., 1890. Т. 6.

⁶ Бакмейстер И. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии Наук. СПб., 1779. С. 125-126.

Исследование П. П. Пекарского появилось в свет спустя сто лет после написания труда Г.-Ф. Миллера⁷. Как и Миллер, Пекарский не изучал социальную историю Петербургской академии *как самостоятельную проблему*. Биографические очерки, из которых главным образом состоит его исследование, не компенсируют потерю: разрозненные сюжеты не сливаются в целостную картину, не исчерпывают тему, не объясняют вопросов, возникающих в той или иной связи. Вместе с тем учёный систематически изучил источниковую базу — фонды архивов, переписку учёных, воспоминания современников и очевидцев, и поставил и осветил ряд новых вопросов, которых до него не касались, прежде всего, — вопросы взаимоотношений учёных с академической бюрократией и русских с иностранцами.

Пекарский рассматривает борьбу петербургских учёных как столкновение бюрократического и антибюрократического начал, носителями которых являлись академические чиновники, с одной стороны, и члены Академии, профессора и адъюнкты, — с другой. Однако бюрократизацию (которой сопротивлялись учёные) он связывает с «личными расчётами» руководителей Академии. Отсюда соответствующий взгляд на историю событий, наиболее отчётливо выраженный в биографическом очерке, посвящённом директору академической Канцелярии И.-Д. Шумахеру⁸.

Проблема взаимоотношений русских с иностранцами занимает Пекарского не меньше, чем проблема отношений учёных с академической бюрократией. Исследователь не разделяет взгляда, согласно которому в «иноземцах» следует видеть лишь привилегированных культуртрегеров, выказывавших «при всяком удобном случае высокомерное презрение к русским» и дававших «везде и всюду чувствовать своё превосходство». Он высоко оценивает деятельность иностранцев в России. Однако, вместе с тем, учёный предостерегает от другой крайности — признания за иностранцами культурного превосходства. Это пресловутое «превосходство», замечает он, основывалось подчас «лишь на том, что они не туземного происхождения»⁹. Исследование Пекарского отличается объективностью и необходимым в подобных случаях национальным тактом. Отдельные промахи, допущенные исследователем, не меняют общей весьма позитивной оценки работы. Однако Пекарский не сделал главного — не объяснил причин конфликтов русских с иностранцами. «Высокомерное презрение» и «чувство (культурного. — В. Т.) превосходства», на которые он указывает как на главные отличительные особенности поведения иностранцев, по всей видимости, так и остались для него единственным ключом к разгадке тайны противоречий между русскими и иностранцами.

Исследователь впервые в исторической литературе описал движение А. К. Нартова, однако совсем не коснулся событий 1745—1747 годов. Тем не менее, его труд продолжает оставаться в первом ряду тех, которые определяют достигнутый уровень изученности проблемы.

Изучение проблем социальной истории Петербургской академии наук в последней четверти XIX — первой четверти XX веков протекало под определяющим воздействием двух факторов: исследований П. П. Пекарского и общественно-политических споров западников и славянофилов о путях развития России. Труды П. П. Пекарского, снискавшего славу вдумчивого, основательного исследователя, оказали сильнейшее влияние на продолжателей его дела. Оно выразилось не только в признании идей и оценок, высказанных учёным в разное время, но и, в гораздо большей степени, в фактическом отсутствии *специальных* исследований по теме. Выводы, сделанные П. П. Пекарским, удовлетворяли российскую историческую науку в течение многих десятилетий.

---

⁷ Пекарский П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1; СПб., 1873. Т. 2.

⁸ Пекарский П. Указ. соч. Т. 1. С. 15-65.

⁹ Пекарский П. Указ. соч. Т. 2. С. 570.

Второй фактор был связан с вторжением в историческую науку идеологии. Общественно-политические коллизии второй половины XIX — первых десятилетий XX веков, разделившие русское общество на западников и славянофилов, решающим образом влияли на русскую историческую мысль вообще и изучение социальных проблем истории в частности¹⁰. В изучении интересующей нас темы это влияние проявлялось двояко. Во-первых, — в повышенном внимании к проблеме «Россия — Запад», отношениям русских с иностранцами; во-вторых, — в подчинении собственно социальной проблематики межнациональным вопросам. И в первом и во втором случае итог был один: наука поглощалась идеологией.

Новый этап в изучении темы начался в советское время. Особый интерес советских исследователей к социально-экономической проблематике, связанный с утверждением в советском общественном сознании марксистской методологии исследования, заметно оживил интерес к социальным аспектам истории Петербургской академии наук вообще и интересующих нас проблем в частности. Начиная со второй половины 1930-х годов изучение социальной истории Академии наук обретает устойчивый характер. Появляются исследования, в которых интересующие нас события интерпретируются с позиций, остававшихся неизменными на протяжении десятилетий. Иногда эти интерпретации являются оригинальными и представляют определённый интерес, иногда повторяют сказанное, и тогда, в лучшем случае, заслуживают упоминания.

Так, С. Н. Чернов показал положение Академии в правление верховников, Анны и Елизаветы и осветил широкий круг других важных социальных аспектов академической истории¹¹. Г. А. Князев обратил внимание на то, что учёным приходилось «выполнять ...разнообразные поручения Двора», не имевшие отношения к науке, и что российская бюрократия нередко получала отпор с их стороны¹². Издатели полного собрания сочинений М. В. Ломоносова сделали немало глубоких наблюдений относительно социальной истории Петербургской академии наук как таковой¹³. Авторы «Исторического очерка» Библиотеки Академии наук остановились на начальных этапах противостояния учёных и «библиотекаря» И.-Д. Шумахера, коснулись отношений русских с иностранцами, отметили преобладание в борьбе с «антирусской политикой» в Академии участников событий 1742—1743 годов и М. В. Ломоносова¹⁴. Позитивным моментом исследования является то, что авторы подкрепляют свои выводы анализом важных исторических документов.

В первом томе фундаментальной «Истории Академии наук СССР», подводивший итог соответствующей исследовательской работе 1930—1950-х годов, рассматриваются события 1728—1729 годов, кризис 1732—1733-го, реформаторская деятельность Г.-К. Кейзерлинга, выступление Ж.-Н. Делиля, подготовка иностранцами отечественных кадров, движение А. К. Нартова, первые годы правления К. Г. Разумовского¹⁵. Авторы воссоздают довольно точную и объективную картину взаимоотношений учёных с российской бюрократией. Однако, последовательно рассматривая борьбу учёных с академической бюрократией как борьбу «членов учёной корпорации против попыток превратить их в чиновников», авторы исследования не доводят эту последовательность до логического конца, допускают пропуски в изложении материала, нарушают связь событий, соединяют в одно целое несоединимое, создавая тем самым неверное представление о социальной истории Петербургской академии наук, дают место утверждениям, с которыми трудно согласиться.

---

¹⁰ Могилянский Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х — начала 90-х гг. Томск, 1969.

¹¹ Чернов С. Н. Леонард Эйлер и Академия Наук // Леонард Эйлер. 1707—1783. Сб. статей и материалов к 150-летию со дня смерти. М.; Л., 1935. С. 163-238.

¹² Князев Г. А. Краткий очерк истории Академии Наук СССР. М.; Л., 1945. С. 13-14.

¹³ См.: Ломоносов М. В. Указ. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 651-961; М.; Л., 1957. Т. 10. С. 607-888; Л., 1983. Т. 11. С. 187-226.

¹⁴ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 171-174.

¹⁵ История Академии Наук СССР. Т. 1 (1724—1803). М.; Л., 1958. С. 45-48, 146-148, 154-159.

В монографии Е. С. Кулябко освещаются некоторые важные стороны интересующей нас темы¹⁶. В частности, исследователь остановилась на роли иностранцев в деле подготовки «отечественных кадров», коснулась национального движения 1742—1743 годов, рассмотрела организацию и деятельность академического Университета как национального образовательного центра. Она, таким образом, прояснила вопрос *о таком важном направлении социальной деятельности Петербургской академии как подготовка национальных научных кадров*.

Социальные аспекты интересующей нас темы затрагиваются в «Истории Библиотеки Академии наук СССР»¹⁷. Авторы реконструировали образ И.-Д. Шумахера как чиновника — директора академической Библиотеки и академической Канцелярии, а также осветили некоторые другие моменты социальной истории Петербургской академии наук. Оценивая Шумахера как «ловкого карьериста», поставившего перед собой цель «добиться успеха», исследователи показывают, каким образом скромный иностранец превратился в «важную персону», обратившую на себя внимание не только высшего российского дворянства, но и самого Петра I.

Крупной вехой в изучении социальной истории Петербургской академии наук стали исследования Ю. Х. Копелевич¹⁸. Исследуя формирование академической системы управления, она систематически осветила социальные аспекты академической истории. Однако взгляды исследовательницы являются упрощёнными и противоречивыми. Так, называя академическую Канцелярию (которая главным образом находится в поле её зрения) «бюрократическим придатком, обременяющим научное ядро Академии», автор вместе с тем вручает ей индульгенцию в виде «объективных трудностей» и особенностей «структуры», которыми была обременена Академия в рассматриваемое время¹⁹. Необходимость присутствия в Академии бюрократической Канцелярии, таким образом, не оспаривается, а оправдывается. Что же касается роли в формировании академической системы управления учёных, профессорского Собрания (которая в исследовании также рассматривается), то она явно недооценивается.

Представив обстоятельный очерк истории академической системы управления, Ю. Х. Копелевич, однако, прошла мимо важных событий академической истории, относящихся к социальным. Так, кризису 1728—1729 годов отведён один абзац, речь Ж.-Н. Делиля при вступлении президента И.-А. Корфа в должность вообще не рассматривается (исследовательница усомнилась в том, что она произносилась), о движении А. К. Нартова сказано лишь то, что данный «эпизод» академической истории «многokrato освещался в литературе», а о событиях 1745—1747 годов не упомянуто вовсе. В очерке, увидевшем свет в 2003 году, Ю. Х. Копелевич вернулась к рассмотрению событий начальной академической истории²⁰. Однако нового к тому, что было известно, она не добавила.

Одновременно с выходом в свет монографии Ю. Х. Копелевич «Основание Петербургской академии наук» появилось второе, переработанное и дополненное издание книги «Академия наук СССР. Краткий исторический очерк» в двух томах²¹. В одном из разделов главы «Основание Петербургской академии наук и её деятельность в первой половине XVIII в. (1724—1746 гг.)» рассказывается о событиях 1728-го и последую-

¹⁶ Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962.

¹⁷ История Библиотеки Академии Наук СССР. 1714 – 1964. М.; Л., 1964.

¹⁸ Копелевич Ю. Х. Возникновение научных академий (середина XVII — середина XVIII в.). Л., 1974; она же. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.

¹⁹ Копелевич Ю. Х. Основание... С. 135.

²⁰ См.: Копелевич Ю. Х. Санкт-Петербургская Академия наук и власть в XVIII в. // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 122-142.

²¹ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семёнов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах). М., 1977.

щих годов. Исследование отличается поверхностностью, отсутствием должной аргументированности и неряшливым обращением с фактами.

Из последних работ советского периода внимания заслуживает содержательная статья М. И. Фундаминского, посвящённая исследованию социального положения учёных в России XVIII столетия²².

Третья категория работ наиболее многочисленная и одновременно наименее ценная. Их авторы преследовали цели, далеко отстоящие от интересующей нас темы. Вместе с тем исследователи не могли обойти совсем тех или иных аспектов социальной истории Петербургской академии наук и связанных с ней лиц. Иногда эти аспекты представлены в виде не лишённых интереса наблюдений по тем или иным частным вопросам, иногда касаются важных общих проблем. В любом случае они являются частью социальной истории Петербургской академии наук и потому заслуживают внимания.

Последнее пятнадцатилетие отмечено противоречивыми тенденциями в освещении социальной истории Петербургской академии наук вообще и интересующей нас проблемы в частности. Казалось бы, перемены в обществе, изменения в отношениях с Западом, освобождение исторической науки от идеологического диктата должны были вызвать всплеск принципиально новых исследований. Однако «революции» не произошло: наступившая «свобода» оказалась невостребованной. В результате вместо нового, которого ожидали, мы имеем сегодня либо легко узнаваемое старое, либо такое «новое», которое заставляет сожалеть об ушедших «добрых старых временах».

В подтверждение сказанного сошлюсь на статьи Г. Е. Павловой и Е. А. Савельевой и В. П. Леонова. Первая почти целиком посвящена интересующей нас теме²³. Г. Е. Павлова не афиширует своей принадлежности к историографии советского времени, однако свято следует её традициям. Деятельность президента Корфа, например, она рассматривает исключительно как административную. Отсюда соответствующие масштаб и оценка её результатов. Время правления Корфа, по её мнению, это — «золотой век» в истории российской науки вообще и Петербургской академии наук в частности²⁴. Об участии президента в антирусском союзе — бироновщине академической — не говорится ни слова. А именно этот факт (не новый, как и всё то, что сказано о Корфе в статье), как представляется, нуждается в новом осмыслении в свете наступивших общественных перемен. Однако как раз его-то исследованию и не достаёт, вследствие чего вместо действительно необходимых науке новых оценок воспроизводятся старые, сомнительные.

В статье Е. А. Савельевой и В. П. Леонова рассматривается одно из подразделений Петербургской академии наук — Библиотека²⁵. За скромным названием скрывается сенсационное содержание. Оказывается, образ Шумахера — первого директора академической Библиотеки, созданный предшествующей историографической традицией, не соответствует действительности: Шумахер защищал от учёных ...академическую Библиотеку²⁶. Пересмотру подвергается самый образ Шумахера — директора Библиотеки, Канцелярии, исторического деятеля. По мнению авторов, шеф академической Канцелярии был «единственным чиновником» в Академии, находившимся на государственной службе, что давало ему «некоторую независимость» и по-

---

²² Фундаминский М. И. Социальное положение учёных в России XVIII столетия // Наука и культура России XVIII века. Сб. статей. Л., 1984. С. 52-71.

²³ Павлова Г. Е. Академия наук и власть: первое столетие становления научного центра // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 49-110.

²⁴ Там же. С. 60-63.

²⁵ Савельева Е. А., Леонов В. П. У истоков Академической библиотеки // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 27-40.

²⁶ Там же. С. 30.

зволюло «с пренебрежением относиться ко многим сотрудникам..., в том числе и к профессорам и адъюнктам»²⁷.

Полагаю, Шумахеру приятно было бы узнать, что его деятельность на поприще русской науки получила наконец сочувственную оценку. Полагаю, неприятно будет читать цитированные строки тем из советских исследователей, которые славу радетелей за дело русской науки приписывали исключительно русским, например, тому же М. В. Ломоносову. Как обстояло дело в действительности, — кто был друг, а кто был недруг русской науке, — после появления статьи Е. А. Савельевой и В. П. Леонова разъяснить, по всей видимости, необходимо заново.

Наверное, прошлое нуждается в переосмыслении. Наверное, нужно пересматривать оценки исторических деятелей, представлявших его не лучшую сторону. Однако надо ли отказываться от очевидных достижений исторической науки предшествующего времени и строить новую историческую науку с нуля (как это делают Е. А. Савельева и В. П. Леонов) или пребывать в твёрдом убеждении, что всё лучшее создано исторической наукой прошлого, превзойти которую невозможно (Г. Е. Павлова)?

Не обошли вниманием социальные аспекты истории Петербургской академии наук зарубежные исследователи. В 50 — 60-е годы прошлого века в Восточной Германии работала группа исследователей, специально изучавших русско-немецкие научные связи XVIII века. Руководил группой известный учёный Э. Винтер.

Работой, положившей начало широкомасштабным целенаправленным исследованиям, стала книга Э. Винтера «Галле как исходный пункт немецкого изучения России в 18 веке»²⁸. Отмечая непростой характер отношений между различными выходцами из Германии — членами Петербургской академии наук, исследователь обратил внимание на такое их качество как солидарность на национальной основе, безотказно срабатывавшую всякий раз, когда дело доходило до столкновений с русскими. Такая дискриминация русских стала возможной, по мнению автора книги, вследствие неоднородности состава немецких членов Петербургской академии наук, среди которых находились не только выдающиеся специалисты, но и карьеристы. Именно с их деятельностью Э. Винтер связывает невыполнение задач, поставленных перед иностранцами русским правительством²⁹.

Тема отношений русских с иностранцами стала предметом размышлений историка в последующих работах, существенно уточнивших вопрос. Так, в исследованиях, появившихся в 1960—1980-е годы, Э. Винтер обратил внимание на связь притока в Россию немецких учёных с режимом бироновщины. «Здесь, — указывает исследователь, — столкнулись интересы России и интересы господствующих иностранных учёных»³⁰.

Другой немецкий исследователь, К. Грау, в книге, посвящённой жизни и деятельности известного русского учёного и государственного деятеля В. Н. Татищева, остановился на положении в Академии И.-Д. Шумахера — директора академической Канцелярии (с которым В. Н. Татищев был тесно связан), и его ведомства³¹. Отмечая неординарные качества Шумахера как администратора, немало сделавшего для Академии в непростые послепетровские времена, исследователь именно с ними связывает причины возвышения Канцелярии как административного органа и одновременно показывает объективные факторы её формирования. В

²⁷ Савельева Е. А., Леонов В. П. Указ. соч. С. 31.

²⁸ Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Brl., 1953.

²⁹ Ibid. S. 328.

³⁰ Winter E. Zur Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert // ZfG. 1960. H. 4. S. 848; ders. Die Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jh. und Frankreich // Die Volksmassen — Gestalter der Geschichte. Brl., 1962. S. 119; ders. Die Bedeutung der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jh. für die deutsche Nationalgeschichte // ZfG. 1962. Sonderheft. S. 341; ders. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Gesellschaftswissenschaften. 1981. № 4. S. 36-37.

числе последних называются напряжённые отношения шефа академической Канцелярии с профессорским составом Академии и общая бюрократизация общественно-политической жизни России.

Социальные аспекты истории Петербургской академии наук затрагиваются в работах других немецких исследователей (П. Гофмана, Г. Мормана, Б. Шольц и др.).

К числу несомненных достижений исследователей, изучавших социальные аспекты истории Петербургской академии наук 20-х—40-х годов XVIII века, следует отнести, прежде всего, введение в оборот огромной массы источников. Материалы, которыми исследователь проблемы располагает сегодня, позволяют с высокой степенью достоверности представить и воссоздать соответствующие картины прошлого. Кроме этого, освещены важные аспекты истории отношений петербургских учёных с российской бюрократией (М. В. Ломоносов, Г.-Ф. Миллер, П. П. Пекарский, Ю. Х. Копелевич, Э. Винтер, К. Грау), описана национальная тенденция в развитии Петербургской академии наук (М. В. Ломоносов, П. П. Пекарский, Е. С. Кулябко, Э. Винтер), предприняты попытки воссоздания истории главного научного учреждения России (М. В. Ломоносов), намечены новые аспекты в изучении проблемы, высказано немало продуктивных идей (С. Н. Чернов, М. И. Фундаминский, Э. Винтер, К. Грау). Однако не только достижения включает историографическая традиция; недостатки также являются её частью.

Главным из них является то, что, за исключением М. В. Ломоносова, *социальная история Петербургской академии наук системно не изучалась как самостоятельная проблема*. В многочисленных фактах длившихся не одно десятилетие столкновений учёных с академической бюрократией исследователи не увидели главного — социального движения. Между тем именно о движении (социальном корпоративном движении), как представляется, должна идти речь. Другой недостаток: *социальная история Петербургской академии наук сводилась к борьбе учёных с бюрократией — к демократической тенденции. По мнению же автора, она должна включать в себя также историю отношений русских с иностранцами — национальную тенденцию*. Кроме того, *социальная история Петербургской академии наук не рассматривалась на фоне всемирной (в данном случае — европейской) истории*. Работы, вышедшие до сих пор, — это, главным образом, работы по отечественной, российской, истории.

Научная новизна исследования. В диссертационном исследовании реализованы *новые подходы в изучении социальной истории Петербургской академии наук*. Во-первых, она рассматривается как взаимодействие двух тенденций — демократической и национальной; во-вторых, — рассматривается как часть всемирной истории. Русско-западноевропейские, в частности русско-немецкие, научные связи — вот фон, на котором изображается социальная история Петербургской академии наук.

В исследовании представлен *новый взгляд на отношения русских с иностранцами* (национальная тенденция). Полагаю, что столкновения в Академии на национальной почве порождала специфическая историческая ситуация, в которую были поставлены русские и иностранные (немецкие) учёные. А коль так, коль скоро отношения русских с иностранцами рассматриваются с новых позиций, то, соответственно, представляется и *новая история — новые, неизвестные доселе, стороны и факты — этих отношений*.

Наконец, в исследовании впервые в российской исторической науке в *систематической форме* излагаются социальные события главного научного учреждения России 20-х—40-х годов XVIII века.

Методологические основы исследования представляют собой совокупность системообразующих принципов и методов, широко используемых в исторической науке. В основу исследования положен *принцип историзма*, в соответствии с которым события и факты истории рассматриваются в последовательности и

---

³¹ Grau C. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev (1686–1750). Brl., 1963. S. 116–119.

связях, «установленных» временем. Другим принципом исследования выступает *принцип неразрывной связи прошлого и настоящего, истории и современности*. Исторические исследования, не имеющие живительных импульсов в настоящем, не опирающиеся на них и им не следующие, в социальном отношении непродуктивны. В числе *методов*, использованных в исследовании, — марксистский, метод восхождения от абстрактного к конкретному, сравнительно-исторический, биографический, а также методы, введённые в историческую науку представителями школы «Анналов».

Настоящее исследование — из области социальной истории, представленной в её наиболее острой форме — в форме борьбы. Как представляется, в исторической науке до настоящего времени не создан более продуктивный *метод* исследования подобных сюжетов, нежели *марксистский*. В диссертации в полной мере использованы возможности этого метода.

Исследуя проблему, диссертант опирался на *метод восхождения от абстрактного к конкретному*. Предельно общей абстракцией в данном конкретном случае выступает понятие «русско-немецкие научные связи XVIII века». От общей характеристики эпохи, отмеченной бурным развитием русско-немецких научных связей, через соответствующую характеристику Германии и России как субъектов этих связей, анализ общих и особенных условий существования России первой половины XVIII века и Петербургской академии наук как её социального института к конкретным действиям конкретных действующих лиц — учёных, представителей правящей элиты, академической бюрократии — таков путь, проделанный автором этих строк в настоящем исследовании.

Сравнительно-исторический метод помог диссертанту представить (и оттенить) специфику исторических процессов в России и Германии (а также в других европейских странах) как субъектах русско-немецких (русско-западноевропейских) научных связей XVIII века. *Биографический метод* был незаменим там, где требовалось обращение к самым интимным сторонам истории, с тем чтобы представить эпоху в надлежащем свете и с надлежащей полнотой. Кроме того, в исследовании использованы достижения новейших школ, в частности *методологические находки* французской *школы «Анналов»*³². Неразрывная связь прошлого и настоящего, гуманизация истории, обращение истории в глобальную науку об обществе, междисциплинарный подход как общий принцип изучения прошлого, понимание как главный императив исторического познания — все эти идеи, провозглашённые и реализованные в рамках школы, оказались не просто близкими автору этих строк, но и востребованными.

Источниковая база исследования. Автор отдавал предпочтение первоисточникам. Мною изучены *опубликованные и неопубликованные архивные документы*. Из опубликованных документов главное место принадлежит «Материалам для истории Императорской Академии Наук», вышедшим под редакцией М. И. Сухомлинова³³. В десяти томах издания опубликовано 8365 документов на языках оригиналов — русском, немецком, латинском, французском и других. В составе материалов научная, учебная, административная, хозяйственная и прочая служебная документация, хранящаяся в Архиве Академии наук (ныне Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), а также в архивах Сената, Кабинета и других государственных учреждений России (Российский государственный Архив древних актов — РГАДА). Это — правительственные указы, распоряжения президентов и академической Канцелярии, промемории, рапорты, донесения, штатные

---

³² См.: Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск, 2003.

³³ См.: Материалы для истории Императорской Академии Наук. СПб., 1885. Т. 1; СПб., 1886. Т. 2, 3; СПб., 1887. Т. 4; СПб., 1889. Т. 5; СПб., 1890. Т. 6; СПб., 1895. Т. 7, 8; СПб., 1897. Т. 9; СПб., 1900. Т. 10.

расписания, служебные записки, письма и прочие документы, возникшие в недрах Академии и вне её (однако с ней, разумеется, связанные) в период с 1716 по 1750 год.

Следующими по важности содержащихся в них сведений должны быть названы «Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии Наук с 1725 по 1803 года», изданные в конце XIX века³⁴. В «Протоколах» отражена главным образом научная деятельность Академии — работа её научной части — профессорского Собрании, или Конференции. Однако не только вопросы научного характера обсуждались в заседаниях Конференции (и, соответственно, — вносились в протоколы). Важную их часть занимают также другие дела — учебные, административные, даже хозяйственные. Не последнее место в них принадлежит также интересующим нас сюжетам — социальным аспектам истории Петербургской академии наук.

Письма учёных, участников и свидетелей академических событий 20-х—40-х годов XVIII века, должны быть поставлены на третье место. Значительная их часть опубликована³⁵. Несомненно, наибольшую ценность представляет переписка Л. Эйлера — центральной фигуры русско-немецких научных связей XVIII века. Кроме переписки Л. Эйлера, несомненный интерес представляют письма других участников и свидетелей происходивших событий. Письма М. В. Ломоносова, например, раскрывают неизвестные страницы социальной истории Петербургской академии наук, увиденной глазами горячего патриота России. В письмах Ж.-Н. Делиля, наиболее последовательного борца за демократическое устройство Академии, содержатся важные факты истории отношений петербургских учёных с академической бюрократией. Интересные факты для социальной истории Петербургской академии наук можно почерпнуть в переписке В. Н. Татищева, а также других лиц, имевших прямое или косвенное отношение к описываемым событиям.

Особое место среди источников по социальной истории Петербургской академии наук занимают упоминавшиеся выше «Краткая история о поведении Академической Канцелярии» М. В. Ломоносова и «История Петербургской академии наук» Г.-Ф. Миллера. Как бы мы ни относились сегодня к «качественной» стороне этих сочинений, как бы ни оценивали степень научности взглядов их авторов, они остаются *единственными связными рассказами очевидцев о происходивших событиях*.

Начиная с 1840 года и до настоящего времени продолжается публикация разного рода материалов, так или иначе связанных с интересующей нас темой. Первыми в этом ряду должны быть названы «Очерки России» В. В. Пассека, где впервые были опубликованы важные для социальной истории Петербургской академии наук источники³⁶. В 1852—1855 годах в «Учёных записках Императорской Академии Наук по первому и третьему отделениям» материалы по истории Петербургской академии наук (в числе которых находились документы, имеющие отношение к нашей теме) стали публиковаться систематически. Как справедливо заметила Ю. Х. Копелевич, сегодня уже не обращаются к этим публикациям, так как почти все документы позднее вошли в десяти томное собрание «Материалов для истории Императорской Академии Наук». Традиция, начатая В. В. Пассеком и издателями «Учёных записок», была сохранена в «Записках Императорской Академии Наук», продолживших издание соответствующих материалов.

³⁴ См.: Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии Наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1897. Т. I; СПб., 1899. Т. II.

³⁵ См.: Correspondance mathématique et physique de quelques célèbres géomètres. Petersbourg, 1843. V. I, II.; Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers. Brl., 1959. Bd. I; Brl., 1961. Bd. II; Brl., 1976. Bd. III; Leonhard Euler und Christian Goldbach. Briefwechsel. 1729–1764. Brl., 1965; Рукописные материалы Леонарда Эйлера в Архиве Академии наук СССР. М.; Л., 1962; Эйлер Л. Письма к учёным. М.; Л., 1963; Эйлер Л. Переписка. Аннотированный указатель. Л., 1967; Пекарский П. О переписке академика Штелина, хранящейся в Императорской Публичной библиотеке // ЗАН. СПб., 1865. Т. VII. С. 117–133; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10, 11; Русско-французские научные связи. Л., 1968; Астраханский В. С. Указатель трудов и писем В. Н. Татищева, опубликованных в 1725–1978 гг. на русском и иностранных языках // В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979; Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990; Письма русских писателей XVIII века. М., 1980.

³⁶ Пассек В. Очерки России. М., 1840. Кн. II. С. 5–85.

Из других опубликованных источников, использованных в настоящей работе, следует назвать известные в истории русской науки «Материалы для биографии Ломоносова» П. С. Билярского³⁷, «Материалы» к столетней памяти М. В. Ломоносова В. И. Ламанского³⁸ и «Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке» А. А. Куника³⁹. Кроме того, нами использованы материалы, помещённые в качестве приложений к многочисленным исследованиям по тем или иным частным вопросам истории Петербургской академии наук.

Помимо печатных источников, автор пользовался документами, хранящимися в рукописях в архивах. Мною обследованы фонды Архива Российской Академии наук, находящегося в Санкт-Петербурге, — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ю. Х. Копелевич по поводу «Материалов для истории Императорской Академии Наук» отмечала, что «редко можно встретить упущенный ими документ, отражающий существенные стороны истории Академии». Должен добавить: социальной — в том числе. Поэтому работа диссертанта свелась главным образом к тому, чтобы выявить недостающие документы, без которых социальная история Петербургской академии наук оказалась бы неполной. В числе извлечённых из архивов материалов, — постановления высших государственных инстанций — Кабинета, Сената, Статс-Канторы, служебные документы — распоряжения президентов Академии и академической Канцелярии, петиции, рапорты, письма и прочее.

Кроме Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, автор осмотрел фонды Российского государственного Архива древних актов (РГАДА) в Москве. В частности, меня интересовали правительственные документы, адресованные Академии, — так называемый сенатский фонд. Результаты работы оказались, однако, не столь значительными, как ожидалось. Почти все интересующие нас документы были либо опубликованы (например, в тех же «Материалах для истории Императорской Академии Наук»), либо приводятся в извлечениях в известной статье М. И. Автократовой, специально изучавшей вопрос о материалах по истории Академии наук, хранящихся в фондах ЦГАДА (ныне РГАДА)⁴⁰.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация включает в себя введение, четыре главы и заключение. Во *введении* формулируются цель и задачи исследования, обосновываются актуальность избранной темы, показываются теоретическое и практическое значение работы, степень её новизны и оригинальности, вклад автора в изучение проблемы, очерчиваются хронологические и тематические рамки исследования, оценивается работа представителей соответствующей историографической традиции, её результаты и современное состояние, декларируются методологические основы исследования, анализируется его источниковая база, приводится краткое описание содержания.

В *первой главе* «В России послепетровского времени» содержится шесть разделов. В *первом* исследуются общие исторические условия описываемых событий, прежде всего объективные основы русско-немецких научных связей XVIII века, частью которых они являются. Анализируя историческую ситуацию в странах Европы, автор приходит к выводу, что Россия и Германия не случайно столь тесно сблизилась в области

³⁷ Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

³⁸ Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. Материалы к столетней памяти его 1765—1865 года, апреля 4-го дня. М., 1865.

³⁹ Куник А. А. Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. СПб., 1865. Ч. I, II.

науки. Немецкие учёные, которые главным образом представляли российскую науку в XVIII веке, охотнее других стремились в Россию, потому что находили в ней условия для научной работы, отсутствовавшие в Германии, свободный от конкурентов рынок и многочисленные колонии своих соотечественников. Россия же в их лице обретала надёжный источник пополнения научных кадров.

Во *втором разделе* показываются отличия в положении немецких учёных в странах Европы и в России, специфика Петербургской академии наук как научного учреждения, её место и роль в российском обществе, особенности управления, тип академических чиновников, понимание назначения Академии в высшем дворянском слое, государственные обязанности учёных и причины их компромисса с российской действительностью. Если в странах Европы немецкие учёные были предоставлены самим себе, то в России они опирались на поддержку своих соотечественников, организованных в колонии и имевших влияние даже на государственном уровне (бироновское десятилетие). В Петербургской академии наук, куда они приезжали, выходцы из Германии заняли практически все места и встали у руля русской науки. Однако условия жизни в русской Академии оказались иными, нежели в Германии. Прежде всего учёные лишились свободы, которой они располагали на родине, — права самим руководить научным учреждением и быть независимыми от чиновников. Российская действительность оказалась столь отличной от немецкой, что учёные должны были сделать выбор: либо возвратиться на родину, либо примириться с тем, что имели. Большинство выбирало второе. Так в России возникла колония иностранных учёных, которые приняли российскую действительность такой, какой она перед ними предстала.

В *третьем разделе* исследуются положение иностранных учёных в русском обществе, их место среди других социальных слоёв, отношение к науке и учёным дворянства. Приняв условия жизни в русском обществе, иностранные учёные не заняли, однако (как рассчитывали), в нём высоких мест и не сравнялись в материальном положении с представителями господствующих сословий. Они не были включены в «Табель о рангах» и фактически оставались на положении слуг. Им выплачивалось жалованье, однако обеспечить достойный социальный статус оно не могло. В высших эшелонах российской власти наукой интересовались мало; Академия всё больше превращалась в центр по развитию «художеств». Социальный статус науки и учёных заметно понизился. Удерживаться «на плаву» в русском обществе — иметь некоторую независимость — учёным помогала монополия на знание, высокая социальная активность и общественное мнение Запада.

В *четвёртом разделе* речь идёт о государственной политике в отношении Академии, социальных и материальных условиях жизни её членов. В России иностранные учёные столкнулись, помимо прочего, с невнятной государственной политикой в отношении научного учреждения. Предоставив полную власть в Академии бюрократии, которая стала насаждать в ней порядки, господствовавшие во всей тогдашней России, правительство, по сути дела, перестало следить за её развитием и финансовым состоянием. Материальные условия жизни учёных заметно ухудшились. Это непосредственно затрагивало их жизненные интересы и, разумеется, не могло не сказываться на отношении к правительству, на службе у которого они находились.

В *пятом разделе* анализируются отношения учёных с правящей элитой, исследуются формы борьбы представителей учёного сословия за свои права. Пообещав представителям науки, что оно будет содержать их «в особливом ...призрении» и уважать их права, правительство, однако, не сдержало обещания. Налоговые вычеты, бесцеремонные вмешательства в сугубо научные дела, нарушение прав учёных как иностранцев — вот то, с чем состоявшая из иностранцев Академия столкнулась на деле. Учёные обратились к *демаршам* и

---

⁴⁰ См.: Автократова М. И. Документы ЦГАДА по истории Академии наук первой половины XVIII в. // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 245-254.

стали защищать Академию и себя *от* правительства. Равным образом защищать науку и её представителей приходилось также от назначенных правительством чиновников в Академии — её президентов и Канцелярии. В столкновениях с академической бюрократией возникла новая, более высокая форма протеста — *корпоративное движение*.

В *шестом разделе* исследуются отношения учёных с академической бюрократией, анализируются особенности академического режима власти. Академии с самого начала не удалось отстоять независимость в делах управления. Во главе её появились бюрократическая Канцелярия и назначавшийся Двором президент. Канцелярия сразу же вступила в противоречие с профессорским Собранием. Это было столкновение двух антагонистических начал. В 1728 году между ними возникло первое серьёзное столкновение, и учёные обратились к императору Петру II с требованием передать управление Академией «всем профессорам». Протесты действия не возымели, и бюрократическая власть в Академии стала усиливаться. Подробно характеризуя режим академической власти (получивший в науке название «шумахерщины»), автор показывает, какие пагубные последствия для науки он имел. Неудивительно, что иностранные учёные не мирились с ним. В границах, которые им ставила российская действительность, они вели умную и смелую борьбу за свои права. Это были *первые шаги на пути к гражданскому обществу в России*.

Во второй, третьей и четвёртой главах реконструируется конкретная история описываемых академических событий. *Вторая глава* («Национальная тенденция в развитии Петербургской академии наук») включает в себя семь разделов и посвящена национальному движению 1742—1743 годов и его предпосылкам. В *первом* исследуются исторический процесс модернизации России и участие в нём иностранных учёных. Автор показывает, что не всё в действиях иностранцев сводилось к позитивным моментам. Оказавшись в стране, где собственных учёных не имелось, а просвещённость общества оставалась невысокой, они повели линию на монополизацию русской науки, из которой не хотели уходить. Русские учёные, которые с течением времени стали появляться, натолкнулись на организованное противодействие со стороны иностранцев и вынуждены были вступить с ними в борьбу, чтобы добиться права встать рядом.

Во *втором разделе* исследуются исторические корни национальных проблем в отношениях русских с народами Европы, а также причины национальных конфликтов в Петербургской академии наук. Анализируя факты, автор доказывает историческую неизбежность столкновения русских и иностранных интересов в Академии, вызванных конкретной исторической ситуацией.

В *третьем разделе* прослеживается история академических конфликтов на национальной почве с конца 20-х до начала 40-х годов XVIII века. Начало борьбы русских за свои права автор относит к 1728 году, когда русские служащие академической Типографии подали на имя императора челобитную, жалуюсь на задержку жалования и крайнюю материальную нужду. Факт отражал утвердившуюся в Петербургской академии наук практику дискриминации русских в вопросах заработной платы. Другие факты столкновения русских и иностранных интересов автор усматривает в проекте президента Академии И.-А. Корфа об учреждении «семинария для малолетних», судьбах первых русских учёных И. С. Горлицкого и В. К. Тредиаковского, учреждении Российского собрания и инциденте с московскими семинаристами, прибывшими в начале 1736 года в Петербург для продолжения обучения. Последний факт, в котором причины столкновения русских и иностранных интересов в Академии выразились предельно чётко, исследуется особенно подробно.

В *четвёртом разделе* анализируются события 1742—1743 годов — влияние государственного переворота 25 ноября 1741 года на Академию, обращение директора Инструментальной палаты А. К. Нартова в Сенат, начало организованного выступления русских против иностранцев и попытки иностранцев воспроти-

виться надвигающимся переменам. Государственный переворот 25 ноября 1741 года был встречен русской частью Академии с нескрываемым энтузиазмом. Подвергавшиеся систематической дискриминации русские воспрянули и заметно активизировались. В январе 1742 года в Сенат было передано заявление директора академической Инструментальной палаты А. К. Нартова, в котором обращалось внимание правительства на антинациональный характер деятельности Академии, занимавшейся подготовкой иностранных и игнорировавшей подготовку отечественных, русских, учёных. Патриотический призыв лидера русских был услышан. Он стал руководителем Академии и возглавил движение, направленное против иностранцев. В разделе подробно описываются перипетии борьбы на начальном этапе движения, показывается перерастание движения из антишумахерского в антинемецкое, оцениваются действия иностранцев по спасению ситуации.

Пятый раздел целиком посвящён вопросу о природе движения. Нартов пришёл к власти на национальной волне, вызванной к жизни елизаветинским переворотом. Широкие слои русских пришли в движение. Это были переводчики, студенты, служащие мастерских, Типографии, других академических подразделений. Все они являлись представителями нарождающейся русской интеллигенции. Они готовились стать — и в действительности уже являлись — учёными, преподавателями, мастерами и т. д. Однако Академия, с которой они связывали свои надежды, оказалась занятой иностранцами, такими же, как они, представителями научной и технической интеллигенции Европы. В итоге они оказались невостребованными, в лучшем случае, — на вторых ролях. Иностранцам, которым принадлежали первые роли, такое положение было выгодно, так как гарантировало места, им не принадлежащие. И они стремились сохранить его как можно дольше. В этом они находили понимание и поддержку академической администрации, также состоявшей не в последнюю очередь из иностранцев. Негласный союз, целью которого являлось сохранение иностранного господства в Академии, длительное время препятствовал формированию русской академической интеллигенции. Движение Нартова и отразило чаяния этой части русских служащих Академии — «академических низов».

В *шестом разделе* исследуется идеология движения. В качестве предмета исследования выступают свидетельства переводчиков Н. И. Попова и И. С. Горлицкого. Анализируя их, автор приходит к выводу, что главным предметом споров между русскими и иностранцами была самая Академия с её многочисленными рабочими местами, которые занимали иностранцы и которыми стремились завладеть русские. Представители нарождающейся русской интеллигенции, И. С. Горлицкий, Н. И. Попов и им подобные, видели несправедливость и унижительность положения, в котором оказалась Россия и её лучшие сыны. Как и Пётр Великий, они хотели видеть Россию сильной и просвещённой и готовы были практически приступить к делу. Однако иностранцы лишили их этой возможности, и они остались невостребованными. Им больно было видеть, как то, что могло прославить их имена, становилось достоянием других, людей со стороны, каковыми являлись иностранцы. Отсюда естественное стремление изменить ситуацию, вылившееся в протест с национальным идейным содержанием.

В *седьмом разделе* рассматриваются итоги и уроки событий 1742—1743 годов. Национальное движение потерпело поражение, участники движения были осуждены. Однако события не прошли даром — ни для самих участников, ни для правительства, ни для тех, кто наблюдал за движением со стороны. Участники движения поняли, что рассчитывать на поддержку правящего слоя в деле борьбы за национальную науку не приходится: сословные интересы оказались выше национальных. Правительству стало ясно, что страна не может обходиться без иностранцев и должна учитывать это обстоятельство, если хочет иметь авторитетный научный центр. Современники же и очевидцы не могли не заметить, что не только иностранцы, но и сами русские в лице того же правительства были помехой становлению русской науки. Правительственные чи-

новники не верили в то, что Академию можно составить из собственных учёных и что в России также имеются люди, способные по-настоящему позаботиться о национальной науке. В результате противоречие, породившее движение, не было разрешено. Иностранное господство в русской науке сохранилось. Описанию последних актов драмы, разыгранной в стенах Петербургской академии наук в 1742—1743 годах, посвящены заключительные части раздела.

В *третьей главе* («Предыстория событий 1745—1747 годов: основные вехи и факты») исследуются начальные этапы корпоративного движения учёных — предыстория событий 1745—1747 годов. В *первом разделе* характеризуется движение петербургских учёных как исторический феномен. То, что движение возникло именно в России, а не в какой-либо другой европейской стране, не было случайным. Участники движения не вступали в противоречие с истиной, когда утверждали, что такого обращения с учёными, которое утвердилось в России, «во всём свете не найдётся в обыкновении». Их борьба, стало быть, была реакцией на тот произвол, с которым они столкнулись в России и который отсутствовал на Западе. Кроме того, они имели немаловажное преимущество перед другими слоями русского общества, объективно противостоявшими дворянству, — иностранное подданство. За ними стояло общественное мнение Запада.

Во *втором разделе* исследуются истоки движения, обретение им целей и конкретное развитие событий с начала деятельности Академии до конца 1741 года включительно. Начало движения восходит к 1728 году, когда, после отъезда Л. Блюментроста в Москву, Академия осталась без президента, и скрытые противоречия прорвались наружу. Споры возникли вокруг вопроса о том, кто должен управлять Академией. Президентская инструкция, отдававшая власть Канцелярии, а не профессорскому Собранию, не удовлетворила учёных, и они вступили в борьбу с бюрократией, растянувшуюся без малого на два десятилетия. В январе 1729 года учёные обратились с протестом к императору Петру II, выразив свои требования предельно чётко — самоуправление. В 1730 году демарши продолжились — учёные попытались склонить на свою сторону влиятельных особ из императорского окружения. В 1732 и 1733 годах в Сенат были переданы новые протесты, в которых объявлялась война бюрократии. В 1734 году учёные атаковали вновь назначенного президентом Академии И.-А. Корфа, потребовав от него демократических реформ. В разделе показывается, как участники движения обрели цель, добились отставки президента Л. Блюментроста (изменившего демократическим традициям первых лет работы Академии), однако не смогли защитить президента-реформатора Г.-К. Кейзерлинга и не сохранили единства своих рядов.

В *третьем разделе* исследуется борьба учёных с академической бюрократией в 1742—1743 годах, когда в Академии прокатилась волна национального движения. Выступая за утверждение демократических начал в русской Академии, иностранцы одновременно блокировали продвижение русских на профессорские и иные должности. До конца 1741 года эта их политика приносила успех. Однако с начала нового, 1742-го, года ситуация изменилась. Русские добились смещения с поста директора академической Канцелярии немца И.-Д. Шумахера (против власти которого учёные выступали ранее) и обратились к борьбе против иностранцев вообще. Режим, который они установили в Академии, оказался неприемлемым для иностранцев, и они выступили против новой власти, нанеся ей ряд серьёзных поражений, в частности добившись независимости от неё. А. К. Нартов и его сторонники проиграли. В разделе анализируется обращение в Сенат сподвижника А. К. Нартова Ж.-Н. Делиля, положившего начало борьбе с академической бюрократией в новых условиях, характеризуется правление А. К. Нартова, его наделавшая много шума «война» с иностранцами, показывается роль в описываемых событиях академического Собрания, исследуются отношения учёных с правительством.

Четвёртая, заключительная, глава («На гребне движения. События 1745—1747 годов») целиком посвя-

щена событиям 1745—1747 годов — кульминации корпоративного движения учёных. В *первом разделе* рассматриваются кризис 1744—1745 года, начало главных событий, июльское и августовские заявления, поворот участников движения от критики академической бюрократии к критике правительственного курса в отношении Академии. Профессора, в немалой степени содействовавшие возвращению Шумахера в Академию, вскоре поняли свою ошибку. Пообещав уважать права Собрания (являться в него и держать совет с его членами), шеф академической Канцелярии отказался соблюдать условия договора и стал вводить «прежнее обыкновение». Учёные отказались «состоять под властью канцелярии». В правление А. К. Нартова они добились признания независимости Конференции от Канцелярии и теперь не желали поступаться достигнутым. 1 мая 1745 года они обратились в Сенат с требованием не отпускать их жалованья в академическую Канцелярию, но выдавать их им самим в Статс-Конторе, «так, как прочие члены в коллегиях получают». Решение было положительным, и учёные перешли к открытой борьбе против бюрократии. Сначала они направили Шумахеру письмо, в котором в ультимативной форме потребовали повиниться «перед правительствующим сенатом» — рассказать правду о состоявшейся после следствия над ним ревизии Библиотеки и Кунсткамеры. Затем последовала серия заявлений в Сенат. В июльском учёные представили «все ...Шумахеровы коварства» за время, которое он руководил Академией, и указали на отсутствие у профессоров власти как на «главную причину» «всем при академии непорядкам». В августовских заявлениях прозвучали критика президентов Академии, требование ликвидации академической Канцелярии и передачи власти профессорам, осуждение правительственного курса в отношении Академии. В разделе исследуется процесс консолидации антибюрократических сил после кризиса 1744 — начала 1745 годов, формирование идеологии корпоративного движения и конкретное развитие событий до сентября 1745 года включительно.

Во *втором разделе* описываются события осени — первого месяца зимы 1745 года — борьба за власть между учёными, с одной стороны, и бюрократией — с другой, исследуются состав движения, его движущие силы, характеризуются участники событий, анализируются требования, выставленные учёными правительству (декабрьский 1745 г. «отчёт»), освещается природа движения. Заявления, направленные участниками движения в правительство, произвели впечатление. Власть поняла, что Академией необходимо заниматься всерьёз, и развернулась к ней лицом. Учёные воспользовались ситуацией и фактически объявили себя независимыми от академической бюрократии. Они не позволили Шумахеру возглавить назначенную Сенатом ревизионную комиссию, призванную заново обследовать наличные фонды академических Библиотеки и Кунсткамеры; стали самостоятельно издавать распоряжения по Академии; взяли под свою опеку служащих академических департаментов, имеющих непосредственное отношение к науке; стали «давить» на правительство, требуя передать власть учёным. В разделе анализируется большое количество исторических документов, приводятся факты, указывающие на интернациональный характер происходивших событий, показывается восхождение движения к «моменту истины». В последней связи особенно подробно исследуется декабрьский (1745 г.) «отчёт» учёных правительству, в котором природа движения отразилась со всей полнотой.

В *третьем разделе* представлены кульминационные события — противостояние конца 1745 — начала 1746 годов, приход учёных к власти, характер и содержание их правления. Решив бороться до полной победы, учёные не переставали атаковать правительство. Каких бы сторон академической жизни ни касались проблемы, с которыми они обращались в высшие инстанции, смысл их действий сводился к одному: самоуправление. И правительство уступило их натиску. Знаменательное событие произошло 6 марта 1746 года. В этот день был издан указ, передававший власть в руки учёных. Уступая профессорам, правительство откры-

вало путь чуждым для России общественным идеям и отношениям. Впервые в российском обществе, целиком состоявшем из дворянско-бюрократических институтов, появилось учреждение (государственное учреждение!), основанное на демократических принципах управления. Было чему изумляться современникам и очевидцам! Это был нонсенс, дерзкий вызов всему социально-политическому строю России. Получив власть, учёные не оставили шансов академической бюрократии, в отношении которой заняли жёсткую, даже агрессивную позицию. Уже на другой день после официального оглашения сенатского указа они направили проигравшей стороне ультиматум, в котором продиктовали свои условия. В разделе описывается историческое заседание Собрания учёных от 10 марта 1746 года, исследуются характер и содержание их правления, оцениваются действия академической бюрократии и правительства.

В *четвёртом разделе* исследуются процесс восстановления власти бюрократии и начало реакции. После того, как правительство разобралось наконец в проблемах российской науки и было принято решение сохранить академию в форме колонии иностранцев (которую предполагалось «разбавить» отечественным «элементом»), перед правящей элитой встал вопрос о соответствующей реорганизации академической системы управления. Оставлять Академию в руках иностранцев, как прежде, очевидно, было нельзя — бироновское десятилетие убедительно показало это. Скоротечное правление А. К. Нартова указывало на то, что русскую власть не примут иностранцы. Тогда-то, видимо, и был принят компромиссный вариант — Академией управляют иностранцы под контролем русских. Демократический вариант развития, утвердившийся в Академии с недавнего времени, очевидно, во внимание не принимался. Ликвидация власти учёных стала вопросом времени. Назначенный президентом Академии К. Г. Разумовский с самого начала пребывания в должности сделал ставку на бюрократию, и вчерашние победители лишились завоеваний. Участникам движения дали понять — с прошлым, когда учёные могли диктовать условия, покончено. В разделе даётся оценка деятельности К. Г. Разумовского на посту президента, описывается попытка учёных привлечь его на свою сторону, исследуется роль академической бюрократии в наступившей реакции.

В *пятом разделе* речь идёт о реакции и расправе с участниками движения. Использование крайних, по сути дела, чрезвычайных мер для водворения «спокойствия и тишины» в Академии было вызвано *общим усилением реакции* на заключительном этапе движения. Шумахер и Разумовский, взявшие на себя функции её проводников, стремились не только покарать вышедших из повиновения профессоров, но и, прежде всего, *восстановить существовавшую бюрократическую систему*. Сущностью этой системы был «принцип пирамиды», в соответствии с которым каждый её член занимал строго определённое место. Учёные не приняли принцип и разрушили систему, заменив её собственной. Этого оказалось достаточно, чтобы причислить их к бунтовщикам. Они, собственно, и были бунтовщиками — разрушителями существовавшей бюрократической системы. В разделе описывается реакция — процесс восстановления власти бюрократии и бюрократических институтов, а также драматическая история расправы с главными участниками движения — профессорами.

Шестой раздел посвящён изучению природы мифов, порождённых движением, а также оценке событий И.-Д. Шумахером и К. Г. Разумовским — наиболее непримиримыми противниками учёных. Эти последние и другие причастные к событиям лица понимали, что наказывать иностранных учёных так, как наказывали тогда за подобные преступления в Российской империи собственных подданных, нельзя. Ибо это означало бы культурный разрыв с Западом, точнее — с его научным миром, из которого тогда главным образом российские учёные рекрутировались. Данное обстоятельство ясно осознавалось, однако никогда не подчёркивалось. Отсюда нелепая, однако устраивавшая официальные круги версия об «иностранном» характере событий 1745—1747 годов, о наивной «доверчивости» их участников, не ведавших якобы, что творят. Так возник миф

о том, чего в действительности не было. Он создавался для того, чтобы скрыть правду. Как всё обстояло в действительности, какие мотивы двигали участниками движения, знали современники и очевидцы тех далёких событий. Анализу свидетельств двух из них, директора академической Канцелярии И.-Д. Шумахера и президента Академии К. Г. Разумовского, посвящены заключительные части раздела.

В *седьмом разделе* анализируются историческое значение и последствия событий 1745—1747 годов. Движение учёных, бросивших вызов бюрократии, оставило неизгладимый след в сознании русского общества. Основывая научное учреждение, его устроители не предполагали, что оно станет рассадником идей, подрывающих общественные устои России. Однако случилось именно это: наряду с научной работой, для которой они были приглашены в страну, учёные затеяли споры с властями по поводу прав учёных и статуса науки в русском обществе. Требуя от российских властей уважения к подданным других государств, к которым в большинстве своём принадлежали учёные, участники событий заставляли тем самым задумываться о собственных правах и собственных отношениях с властью и государством русских подданных. В результате западные гражданские ценности, на которые члены Петербургской академии наук ориентировались и которые пытались воплотить в русском обществе, трансформировались в ходе истории в национальные российские общественные идеи и стали неотъемлемой частью российской общественной жизни.

Другим важным последствием событий 1745—1747 годов было их влияние на правящую элиту страны — Двор, Сенат и высшее дворянство, от которых напрямую зависела эффективность проводимой государственной политики. В продолжении двадцати лет члены Академии «учили» правительство, как следует руководить наукой и выстраивать свои отношения с её представителями. «Школа» оказалась полезной: пришедшая на смену правительству Елизаветы «команда» Екатерины II радикальным образом изменила отношение к науке и учёным, сделав его таким, каким его хотели видеть участники движения 1745—1747 годов и каким оно в главных своих чертах оставалось вплоть до 1917 года.

Движение учёных, далее, оказало влияние на тех, кто пришёл им на смену. Поколения российских учёных, живших во второй половине XVIII и следующего, XIX, веков, всегда помнили о традициях Академии, прежде всего о необходимости защищать интересы учёных как особой корпорации. Сопrotивление диктату чиновников, проходящее через историю всей русской академической науки, истоком своим имело события описанного времени. Именно тогда, в далёкие 1728—1747 годы, сформировалось кредо, ставшее краеугольным в отношениях учёных с российской властью: интересы науки — это интересы общества. Российское учёное сословие до сих пор руководствуется этим выстраданным предшественниками непреложным правилом.

Наконец, движение имело *конкретные практические результаты*. Их анализу, а также изучению последствий поражения посвящены заключительные части раздела.

В *заключении* формулируются основные выводы исследования.

Социальная история Петербургской академии наук первой половины XVIII века представляет собой сложное переплетение двух тенденций: национальной и демократической. Основывая Академию и приглашая иностранцев, Пётр I и его сподвижники надеялись решить важную государственную задачу — произвести научно-техническую модернизацию страны и подготовить для этой цели отечественных русских учёных. Последствия, однако, превзошли ожидания.

Включение России в общеевропейский научный процесс (хронологически совпавшее со второй четвертью XVIII века) не было простым. Страна находилась на периферии европейской цивилизации. Социально-экономические процессы протекали в ней медленнее, чем в остальной Европе, а культурный прогресс значи-

тельно отставал от передовых стран. Европейские фасады зданий, покрои платья, манеры общения, появившиеся в годы петровских реформ, не могли скрыть общей отсталости России, обнаруживавшейся во всех областях. Главным препятствием были общественные отношения, покоившиеся на несвободном труде.

В России, потратившей много сил на освобождение от иноземных вторжений, собрание русских земель и государственное обустройство, гражданские традиции средневековья были основательно затоптаны и изгнаны из общественной жизни. Самодержавие — огромный бюрократический аппарат, лежавший в основании российского общества, — получило в XVIII веке дальнейшее развитие. Задуманная как часть петровских реформ, Академия наук не осталась в стороне от этого процесса. В ней также стали насаждаться порядки, господствовавшие во всей тогдашней России. Сначала появился назначенный Двором президент, затем — Канцелярия и чиновники. Научное учреждение, в котором иностранцев было больше, чем в других государственных учреждениях Российской империи, фактически перестало отличаться от остальных. Бюрократическая «Табель о рангах», бюрократическая система отношений, бюрократический произвол — всё получило в ней место и «прописку».

Сформировавшиеся в иной социальной среде, воспитанные иными общественными отношениями, учёные не захотели мириться с порядками, которые им навязывались. Требования, которые они предъявили правительству России вскоре после приезда, касались самоуправления Академии и прав учёных как иностранцев. Протест, однако, не был принят, и борьба перешла в затяжную фазу. В продолжение 20 лет — с 1728 по 1747 год — учёные не оставляли попыток склонить чашу весов в свою пользу — добиться самоуправления. Правительство не обращало внимания на демарши, пока в 1745 году копившееся недовольство не привело к открытому неповиновению.

Спустя двадцать лет после основания Академия оказалась на грани развала. Учёным не выплачивалось жалованье, их права попирались. Оставшаяся без президента (которого она потеряла вместе с падением Бирона), Академия оказалась во власти лиц, науку откровенно презиравших. Напряжение достигло предела, и все проблемы, включая национальные, отошли на второй план. Демократическая тенденция полностью возобладала.

Иностранцы и русские, которых разделяли острейшие национальные противоречия, объединились против бюрократии и бюрократического произвола. Они потребовали реформы Академии — предоставления самоуправления, ликвидации бюрократических институтов, социальных гарантий для служащих, приведения академических подразделений в соответствие с требованиями прогресса. В программном документе движения, декабрьском «отчёте» 1745 года, были высказаны идеи, далеко опережавшие время.

Попытка утвердить демократические начала в российской науке окончилась, однако, неудачей. Поддерживаемая Двором и правительством, академическая бюрократия одержала победу. Учёные должны были оставить мечты о самоуправлении. Часть из них — Ж.-Н. Делиль, И.-Г. Гмелин, И.-Г. Сигезбек, Х. Крузиус, П.-Л. Леруа — покинули Россию; другие — В. К. Тредиаковский, Я. Штелин — были деморализованы и навсегда оставили мысль о самоуправлении; третьи — Г.-Ф. Миллер, Х.-Н. Винсгейм, М. В. Ломоносов, Г.-В. Рихман — отступили перед торжествующей реакцией и обратились к профессиональным занятиям. Один из участников движения, Иосия Вейтбрехт, скончался в разгар гонений. Закрылась яркая страница в истории российской (и не только российской) науки. Учёные явили миру впечатляющий пример борьбы за гражданские права.

К участникам движения — профессорам — термин «подданные» применим лишь условно. Учёные в настоящем смысле этого слова ощущали себя гражданами — людьми, права и обязанности которых определя-

ются договорными отношениями с обществом и государством. Сознание ответственности за дело, которое они представляли, толкало учёных на постоянные конфликты с властями, в которых они видели главное препятствие на пути свободного развития наук. Эти конфликты проходят через всю вторую четверть XVIII века, закрепив за Петербургской академией «славу» самого беспокойного государственного учреждения Российской империи. Причиной конфликтов было развитое гражданское самосознание учёных, не находивших в стране, которую они избрали в качестве места работы, адекватного понимания своих профессиональных проблем.

С одной стороны, в гражданском отношении незрелое общество не способно было оценить в полной мере значение научного учреждения, основанного Петром Великим, с другой, — власть (которая услугами Академии хотя и пользовалась, однако решительно не способна была распорядиться её возможностями). Как особый институт наука оказалась ненужной. Ни обществу, ни власти. Учёные оказались перед дилеммой: либо возвращаться на родину, либо защищать свои права. Они выбрали второе.

Последнее тем более удивительно, что в Петербургской академии, с историей которой связано появление феномена корпоративного движения, как ни в какой другой европейской академии существовали острее национальные проблемы, мешавшие консолидации учёных на профессиональной основе. Приехавшие в Россию иностранцы находились в положении, позволявшем успешно противостоять натиску местных конкурентов. С самого начала пребывания в стране они повели линию на блокирование стремившихся в науку русских. Так, возникла сила, которую, следуя традиции, мы называем «иностранной (немецкой) партией» («антирусским союзом»). Не декларированный указом и не имевший организационных основ, «союз» представлял негласное объединение лиц, связанных общностью положения в чужой стране. «Академические немцы», бывшие его частью, тормозили развитие академических Гимназии и Университета (призванных стать рассадниками российских учёных), не допускали русских в науку, свернули просветительские программы Академии, завели в тупик дело подготовки отечественных русских учёных. Русское национальное самосознание, прорвавшееся наружу в 1742—1743 годах, имело основанием систематическое противодействие интересам России и русских.

Немногочисленные, плохо организованные, недостаточно подготовленные к тому, чтобы занять места своих конкурентов, наследники петровских реформ потребовали от правительства исправления ситуации и были услышаны. Они получили власть. Однако последовавшие за этим события и тот прессинг, который был оказан на правительство иностранцами, убедили российских чиновников, что с национальной Академией не следует спешить. Начав работу с намерением поддержать соотечественников, государственная следственная комиссия в конечном итоге обернулась против них. Участники движения были осуждены. Немцы остались у руля русской науки.

Окончившееся поражением русских национальное движение обнаружило незаинтересованность правящей элиты в победе национальной тенденции. За патриотическими устремлениями академических служащих «патриоты по должности» разглядели опасный социальный протест и сделали ставку на компромисс с иностранцами. Русская интеллигенция получила наглядный урок социального партнёрства на основе «национальных интересов».

Однако урок получили также иностранцы, участвовавшие в восстановлении «родной» иностранной власти. Одержав победу над опасным национальным протестом (выразителями которого выступали русские), «иностранец» Шумахер принялся искоренять не менее опасное социальное недовольство (носителями которого являлись теперь уже главным образом иностранцы). И русские, и иностранцы, таким образом, должны

были испытать горькую чашу разочарования. Первые обманулись на счёт «патриотизма» отечественных чиновников, вторые — на счёт национального «родства» с чиновником-иностранцем. Бюрократия не имеет национальной природы — таков был вывод, который сделали для себя и русские, и иностранцы из «смутных» событий первой половины 1740-х годов.

В событиях 1745—1747 годов иностранцы и русские объединились. Впервые в истории Петербургской академии наук национальные интересы были побеждены интернациональными — демократическими, прежде всего. От борьбы за привилегированное положение в чужой стране (которую они вели против русских до сих пор) немцы (вместе с русскими) обратились к борьбе за демократическое устройство Академии. Разумеется, союз не был прочным — не были решены главные — национальные — проблемы. Однако он сохранялся достаточно долго и оставил неизгладимый след в истории науки.

Борьба не выходила за пределы науки и не затрагивала основ российского общества. Всё, что требовали участники движения, касалось учёных и их прав. Однако это не умаляет её значения как исторического факта. Она открывает *эпоху корпоративных движений в России*. Во главе движения стояли иностранцы; русские играли второстепенную роль.

Отправляясь в Россию, учёные не намеревались участвовать в политике. Они ехали с надеждой обрести работу, которой были лишены на родине, и устроить личную жизнь. Однако обстоятельства, с которыми они столкнулись, заставили их изменить жизненные планы и обратиться к деятельности, далёкой от науки. Борьба за социальные права учёных стала неотъемлемой частью их жизни.

Учёные не были радикалами в современном значении этого слова. В социальном плане они вели жизнь, мало отличавшуюся от жизни других слоёв общества. Однако в них жило — и в этом заключалась их особенность — сознание важности науки как социального института, выразившееся в стремлении к свободе, независимости, к тем или иным формам социальной автономии. Поэтому корпоративные идеалы, совпадавшие с демократическими, дремавшие во времена стабильности, пробуждались во времена кризисов. Тогда из слуг бюрократии, каковыми они в действительности являлись, учёные превращались в её противников. Они были и слугами и противниками власти одновременно. Как слуги, они шли на компромисс с российской властью и российскими порядками. Как противники, — боролись с ней и её институтами.

Борьба не была последовательной, свободной от ошибок. Нередко учёные удовлетворялись малым, забывая о главном — идеале, которому следовали. Так было в начале 1730-х годов, когда встал вопрос о «художествах»; так было в кризисные 1740-е годы, когда встал вопрос о восстановлении власти Шумахера; так было в непростых 1744—1745 годах, когда встал вопрос о продолжении борьбы с бюрократией. Однако не проявления непоследовательности составляют главный итог борьбы учёных с российской бюрократией. Они провозгласили и пронесли через десятилетия идею самоуправления науки, защищали право науки и её представителей на свободу от бюрократического вмешательства — будь то вмешательство высших государственных инстанций или «рядовой» академической Канцелярии. Они выступили защитниками идеи социальной автономии науки и научных обществ, показали российскому обществу пример борьбы за гражданские права, научили его не бояться государства и его институтов. Эта заслуга иностранных учёных (которую они должны разделить с русскими учёными) навсегда останется их вкладом в российскую историю. Они должны быть признаны *зачинателями демократических традиций в России*.

История борьбы петербургских учёных за свои права свидетельствует, далее, о *снижении уровня государственного мышления и государственной политики в послепетровский период*. Чёткие политические установки Петра не были реализованы. Учёные не получили самоуправления. О назначении Академии как

двигателе прогресса фактически забыли. Русские были отстранены от участия в научной работе. Даже тогда, когда очевидное становилось явным и требовалось принятие простых государственных решений, правительство беспомощно топталось на месте (или предпринимало действия, далёкие от требований ситуации места и времени). Самодержавная форма правления, передававшая решение государственных вопросов в случайные руки, явно не способствовала прогрессу науки.

Наконец, события, о которых шла речь, содержат важные исторические уроки, особенно актуальные в настоящее время, когда народы ищут пути к сближению и взаимопониманию. Русские не были заражены патологической ненавистью к иностранцам, в частности — к немцам, как это утверждала немецкая националистическая историография. И. С. Горлицкий, Н. И. Попов, М. В. Ломоносов, другие представители раннего русского национального самосознания позволяли резкие высказывания и действия в отношении немцев не потому, что видели в них представителей враждебной нации; в них они видели *конкурентов, особенно ценко (в силу конкретных причин) державшихся за Академию* и потому мешавших русским делать карьеру. Их агрессивность, следовательно, была вызвана обстоятельствами места и времени. Исчезали обстоятельства — исчезала агрессивность. Сегодня, когда процесс сближения народов Европы становится необратимым, следует помнить об этом.

Другой урок связан с поиском основ взаимопонимания. Национальные конфликты, проявления которых мы наблюдали на примере истории Петербургской академии наук, не способствовали сближению народов. И русские, и иностранцы одинаково теряли, когда пытались говорить друг с другом языком ненависти. И наоборот: стороны быстро договаривались, когда место национальных пристрастий занимали идеалы сотрудничества и демократии. Русские, немцы, французы, представители других наций, собравшиеся в Петербургской академии наук в XVIII веке, становились силой, способной решать самые сложные общественные проблемы тогда, когда понимали, что граница проходит не между иностранцами, с одной стороны, и русскими — с другой, а между российской бюрократией (к которой одинаково принадлежали и немец Шумахер, и русские Разумовский и Теплов) и научной интеллигенцией (к которой равным образом принадлежали и русские, и иностранные учёные). И этот вывод — едва ли не главный. Задача — осмыслить его.

В конце диссертации приводится список использованных источников и литературы, а также список принятых автором сокращений.

В ходе работы над диссертацией автор выступал с докладами и сообщениями по различным вопросам исследуемой темы: на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета, на 2-ой и 3-ей научных конференциях молодых учёных Томского университета (1976, 1978 гг.), на региональной научно-практической конференции «Молодые учёные и специалисты — народному хозяйству» в г. Томске в 1977 году, на 2-ой, 6-ой и 7-ой Западносибирских региональных научных конференциях по методологии истории, историографии и источниковедению (1976, 1985, 1988 гг.), на межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию образования Кемеровской области в г. Прокопьевске в 2002 году, на 2-ой научно-практической конференции преподавателей гуманитарных дисциплин ВУЗов и школ г. Новокузнецка в 2002 году, на 5-ой международной научной конференции «Наука и образование» в г. Белове в 2004 году, на 15-ом международном семинаре «Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи» Российской Академии наук в г. Санкт-Петербурге в 2005 году.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

1. Турнаев В. И. У истоков демократических традиций в российской науке. Очерки истории русско-немецких научных связей. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2003. 200 с.

2. Турнаев В. И. Эдуард Винтер и его роль в становлении марксистского славяноведения в ГДР // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 15. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 158-177 (20 с.).
3. Турнаев В. И. Э. Винтер о причинах русско-немецких научных связей XVIII века. Кемерово, 1984. 12 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 04.05.84, № 16963.
4. Турнаев В. И. Историки ГДР о роли России в духовном и научном развитии немецких ученых в XVIII веке. Кемерово, 1984. 13 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 11.05.84, № 17104.
5. Турнаев В. И. Пора отказаться от «зелёных очков» замешанной на лжи и догматизме идеологии // Общественные науки. 1990. № 4. С. 37-48 (12 с.).
6. Турнаев В. И. К вопросу о теории общественного развития // Социально-политические науки. 1991. № 11. С. 19-26 (8 с.).
7. Турнаев В. И. Феномен социализма и проблема использования наследия классического марксизма в создании новой футурологии // Институт — школа. Вопросы теории и методики преподавания общественных наук. Вып. I. Новокузнецк: Изд-во Новокузнецкого полиграфического комбината, 1992. С. 35-51 (17 с.).
8. Турнаев В. И. Русско-немецкие научные связи XVIII века: проблема объективных основ // Проблемы истории Кузбасса. Материалы научно-практической конференции. Прокопьевск, 2002. С. 20-27 (8 с.).
9. Турнаев В. И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью (статья первая) // Проблемы межпредметных связей в преподавании гуманитарных дисциплин. Вып. 2. Новокузнецк, 2003. С. 30-42 (13 с.).
10. Турнаев В. И. Исторические корни русского национализма и Петербургская академия наук // Наука и образование. Материалы V международной научной конференции (26-27 февраля 2004 г.). Белово, 2004. Ч. 3. С. 546-550 (5 с.).
11. Турнаев В. И. Исторические корни национальных проблем в отношениях русских с народами Европы и Петербургская академия наук // Известия Томского политехнического университета. Т. 308, № 5, 2005 г. С. 203-207 (5 с.).
12. Турнаев В. И. Положение иностранных учёных в послепетровской России // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2005. № 289. С. 55-64 (10 с.).
13. Турнаев В. И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2005. № 289. С. 65-72 (8 с.).
14. Турнаев В. И. Национальная тенденция в развитии Петербургской академии наук (20-е—40-е годы XVIII века) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки. История, этнология». Томск, 2006. Вып. 1 (52). С. 18-24 (7 с.).
15. Турнаев В. И. Государственный переворот 25 ноября 1741 года и начало национального движения в Петербургской академии наук // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 2006. № 294. С. 27-33 (8 с.) и других.